

ПО ТУ СТОРОНУ ОКЕАНА

Константин СИМОНОВ

1.

Мы все живем на одной планете. Слово «живем» можно заменить словом «сосуществуем». Суть от этого не изменится. Слова — живем на одной планете — в наше время в сущности предполагают мирное сосуществование государств, имеющих различный общественный строй. В обстановке острой борьбы, которая идет в наши дни между двумя социальными системами, важное место, несомненно, принадлежит советско-американским отношениям. Если мысленно вообразить себе сейчас войну между Соединенными Штатами Америки и нашей страной, с ее обоюдными результатами, то можно представить себе, как после такой войны потеряют значительную часть своего реального смысла слова «живем на одной планете». В научных прогнозах на этот счет нет недостатка, ну, а мне, далекому от науки человеку, просто-напросто не известно, как бы стала выглядеть после этого наша планета и во что превратилась бы на ней людская жизнь.

Все сказанное не может, однако, исключить из моего сознания возможности возникновения таких обстоятельств, при которых агрессивные силы империализма развязали бы войну между Америкой и нами, хотя и у нас и в Америке знают, что такая вспышка может за несколько часов не только унести миллионы жизней, но и тяжело искалечить все, что создано в обеих странах вековыми трудами обоих народов.

О таких вещах, с одной стороны, не хочется думать, но ведь, с другой стороны, имен-

но мысли о возможности таких бедствий и породили в свое время обоюдные усилия, закончившиеся Договором о нераспространении ядерного оружия. И именно эти мысли заставляют людей в разных странах ломать теперь головы в поисках новых практических шагов в этом направлении. Сегодня эти шаги привели к началу переговоров в Хельсинки, завтра они могут привести к новым переговорам, спорам, разногласиям, поискам решений.

Мысль о том, что не надо портить себе жизнь опасениями, ибо человечество не настолько безумно, чтобы допустить на земле ядерную войну, — мысль успокоительная и даже удобная, с ней легче засыпать. Но я предпочитаю более тревожную мысль о том, что возможность ядерной войны не исключена. Это более правильная и, главное, более деятельная мысль. Она побуждает людей стремиться к исключению тех страшных возможностей, которые все еще не исключены.

Я не пацифист, я участник справедливой войны против фашизма и, как и все ее участники, достаточно хорошо знаю горькие уроки истории, чтобы понимать железную необходимость готовности к решительному отпору любому нападению на нашу страну или на наших союзников, откуда и с чьей бы стороны оно ни последовало. Мы не уповаем на добрую волю агрессивных сил империализма. Вместе с нашими друзьями мы неустанно укрепляем оборонную способность социалистического содружества. Но в то же время я знаю, и не только знаю, а живу в сознании того,

что мы сами не собирались и не собираемся нападать ни на кого, в том числе на Соединенные Штаты Америки.

Просто, по-человечески говоря, мне бы никогда не пришло в голову садиться в самолет и лететь туристом в страну, с которой мы, по моему мнению, собираемся воевать. Мне бы не хватило совести пожимать руки или входить в дома людей этой страны. Какими глазами я смотрел бы на этих людей, зная, что дома, в которые я вхожу по их приглашению, должны быть разрушены? Нет, уж подальше от такого туризма!

Подумав об этом, я вдруг вспомнил сейчас напечатанное лет пятнадцать назад фантастическое сочинение одного западного литератора, написанное им после туристской поездки в Москву. В этом сочинении он описывал свою следующую, будущую поездку, которая должна была состояться после атомной бомбардировки Москвы, и фантазировал на тему: как будет выглядеть Москва после этой бомбардировки и с кем из оставшихся в живых своих русских знакомых ему доведется встретиться снова.

Дело прошлое, а все-таки и спустя много лет невольно поежись, вспоминая, как в твою страну приезжал туристом и пожимал тебе руку человек, державший в себя в голове эти чудовищные атомные фантазии насчет будущей судьбы того города, в котором ты до сих пор живешь.

И вообще, поменьше литературных фантазий на такие темы! Я не поклонник их, где бы они ни издавались и на каком бы языке ни писались. Независимо от их литературного

уровня, я всегда вижу в них нечто крайне непорядочное по отношению к человечеству.

2.

Нас, туристов, водили по зданию ООН в воскресный день. Симпатичная девушка, наша землячка, водила нас по пустовавшим в этот день залам заседаний, объясняя, в каком из них и по каким случаям собираются те или другие комитеты и комиссии ООН, кто где сидит, где места делегаций, а где журналистов и публики...

Все это было любопытно смотреть. Но хотя я твердо знал о себе, что хожу по зданию ООН первый раз в жизни, я все же, чем дальше, тем больше, испытывал странное ощущение, что уже был здесь и все это знаю.

А впрочем, ощущение не такое уж странное — ведь уже почти четверть века в этом доме, а раньше, пока этот дом не был построен, в других домах и городах работает Организация Объединенных Наций.

Работает, заседает, обсуждает на своих заседаниях проблемы, стекающиеся со всех концов земного шара. Существует в сознании миллиардов людей и в то же время — в сознании отдельно взятого человека — человека, читающего по утрам газеты, надеющегося на сохранение мира, обеспокоенного вспышками войны, озабоченного ходом тех или иных переговоров, происходящих и в стенах и за стенами ООН и имеющих то или иное значение для судеб людей, для моей судьбы в том числе.

Употребив местоимение «я»,

понимаю, конечно, мизерность этой индивидуальной песчинки. Но при этом думаю, что личная заинтересованность миллиардов людей в существовании организации, объединяющей почти все нации мира, — и есть та почва, на которой стоит ООН. Это и есть та мощь земного человеческого притяжения, которая вызвала к жизни организацию, призванную преследовать в своей работе общечеловеческие цели.

Люди есть люди. Мы далеко не всегда прилежно читаем то, что пишется в газетах о деятельности ООН, о ее заседаниях и многочисленных речах, произнесенных в ее стенах. Но в то же время сейчас, в самом конце шестидесяти годов трудного двадцатого века, нам уже почти невозможно представить себе, что в мире нет такой организации, как ООН, или что ее могло не быть. Как же так могло не быть? Сама возможность отсутствия такой организации, как Объединенные Нации, уже не умещается в нашем людском сознании, хотя мы при этом бываем достаточно часто невольны тем, что там, в ООН, далеко не все происходит так, как могло бы и должно бы, по нашему мнению, происходить.

Я далек от идеализации работы ООН, а все же в этом большом международном доме, по международной договоренности стоящем сейчас там, в Нью-Йорке, на берегу Ист-Ривер, год за годом и день за днем идет и идет кропотливая работа, в конечном итоге, при всех своих несовершенствах, все-таки имеющая в виду общие интересы человечества.

Я подумал об этом, когда через несколько дней после туристского осмотра ООН оказался наверху, на ее предпоследнем этаже, где в этот вечер генеральный секретарь У Тан принимал советских космонавтов.

Я подумал об этом, когда

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

туристского осмотра ООН оказался наверху, на ее предпоследнем этаже, где в этот вечер генеральный секретарь У Тан принимал советских космонавтов.

Я вспоминал, как мы слышали слова из космоса: «вижу Австралию», «пролетаем над Индией». «под нами Бразилия», «различаем Апеннинский полуостров»... И думал о том, что сейчас, на приеме у генерального секретаря Объединенных Наций, среди пришедших на этот прием людей из многих стран мира, космонавты как бы снова видят всю землю, но уже не далеким космическим зрением с огромной высоты, а обыкновенным человеческим зрением — как бы встречаемся со всем человечеством вплотную — глазами и рукопожатиями. Было что-то принципиально правильное в этой встрече именно здесь, в доме Объединенных Наций.

Двумя днями позже меня принял У Тан, с которым я впервые познакомился на встрече в честь космонавтов. И я был рад тому, что мог искренне сказать генеральному секретарю ООН, что всякий раз, когда он проявляет на своем ответственном посту благородные усилия, направленные на сохранение мира, — это неизменно вызывает сочувственное внимание и уважение моих соотечественников.

3.

Последний раз я был в Америке девять лет назад — срок достаточно долгий. Помню, как тогда, в декабре 1960 года, в кругах нью-йоркской интеллигенции обсуждали состав будущего кабинета толь-

ко что избранного президента Кеннеди и питали радужные надежды, связанные со слухами о том, что в окружении президента будет широко представлена университетская профессура и вообще интеллигенция.

За девять лет случилось много, пожалуй, даже слишком много всего. Была и высадка американских наемников на Кубе и развязанная Америкой кровавая война во Вьетнаме. Эти годы были связаны в Америке не только с убийством самого Джона Кеннеди, и его брата Роберта, и Мартина Лютера Кинга, но и с крушением многих из тех либеральных надежд, в которые я в свою очередь с надеждой вслушивался тогда, в декабре 1960 года.

Стремясь не пропустить ничего существенного, я читал в последние годы многочисленные американские корреспонденции наших журналистов — Кондрашова, Стрельникова, Боровика и других их коллег. Читал и некоторые их итоговые работы, такие, например, как «Жизнь и смерть Мартина Лютера Кинга», принадлежащее перу Станислава Кондрашова, серьезное и глубокое, на мой взгляд, исследование американской жизни, опубликованное в последних номерах журнала «Знамя».

Наблюдения наших постоянных работающих в Америке журналистов куда разностороннее и основательнее моих. И я далек от наивной надежды осчастливить читателя обширностью своих знаний, почерпнутых за двадцать дней туристской поездки.

Я просто хочу поделиться некоторыми мыслями писателя, который, оставив на письменном столе незаконченный роман о минувшей войне, использовал короткий перерыв в этой главной для себя работе, чтобы еще раз увидеть страну, вольно или невольно занимающую так много места в нашем сознании.

Я начал с мыслей о войне и

мире. Хочу сказать еще несколько слов об этом же самом в связи с одним неожиданным для меня разговором, происшедшим в Нью-Йорке.

Я имел тайное поручение от одного маленького москвича привезти емч из Америки водяной пистолет. Тайное, потому что предполагалось прятать из этого пистолета водой в собственных родителей. И вот, выполняя это поручение, мы с моим старым другом Бернардом Котеном, с которым впервые бродили по Нью-Йорку почти четверть века назад, зашли в новый игрушечный магазин на одном из центральных перекрестков Нью-Йорка. В ответ на вопрос, где у них можно посмотреть детские пистолеты, последовал быстрый и, пожалуй, даже сердитый ответ продавца, что никакого детского оружия они в своем магазине не держат!

И двадцать три года назад, когда я был здесь впервые, и девять лет назад просто нельзя было представить себе нью-йоркского игрушечного магазина или игрушечного отдела в универсальном магазине, полки которого не были бы забиты военными игрушками. Но меня удивила не только суть ответа, но и то, как сердито было сказано это: «Не держим!»

Когда мы вышли из магазина, мой спутник объяснил мне, что исключение оружия из ассортимента игрушек и этого и многих других магазинов — результат общественной кампании, которая проводилась в последние годы. Результат того, что женщины целыми днями пикетировали множество нью-йоркских магазинов, требуя, чтобы они отказались от продажи военных игрушек. И не только пикетировали, но и нередко добивались своего. Я смог сам убедиться в этом, зайдя еще в несколько магазинов. В половине из них военных игрушек не было.

Я не склонен преувеличивать значение этого факта, однако в нем есть нечто новое

St Petersburg, 1969, 26 декабр

Америки и навещающее на
езные раздумья.
еять лет назад, в шести-
том году, такого нельзя
себе представить. Конеч-
пикетирование женщинами
азингов, их успешная борь-
с продажей детского ору-
происходит на фоне по-
все еще бессильных попы-
запретить или хотя бы
зачинить продажу в Амери-
настоящего огнестрельного
жия. Натолкнувшись на
ткое сопротивление ассо-
ции стрелкового оружия и
щих за него сил, вынуж-
х: были признаны свое по-
о, кение десятки сенаторов и
агрессменов.

И все же для понимания со-
щенной Америки и сложной
состояния ее духа эти пи-
теты женщин, не желающих,
бы бы их дети с пятилетнего
раста рассовывали по кар-
кам игрушечные пистолеты
оль вешали на живот игру-
нажные автоматы, кажутся
их е ключом к очень многому.
прогда, уже который год, год

годом, где-то на другом да-
ском континенте, в необъяв-
ной, но страшной войне,
головой женщин и детей ва-
тся американские бомбы и
тся американский напалм,
ттуда, через океан, самоле-
одив за другим доставляют
мой свинцовые гробы с за-
яными в них мертвыми
ериканцами: когда внутри
мой Америки одного за дру-
м убивают президента, кан-
дата в президенты, лауреа-
Нобелевской премии, — ви-
мо, в сознании женщин про-
ходит нечто такое, что за-
влялет их бояться за жизнь
их детей, заставляет их с
вращением относиться не-
лько к настоящему, но и к
рушечному оружию.

В стране, которая не убива-
и в которой не убивают, иг-
шечное оружие существует
ерк-то отторжено от мыслей
смерти людской. Но в стра-
е, которая денно и вночно
ивает людей где-то, вдали
своих границ, в стране,
утри которой одно за дру-
происходят сотрясающие

ее политические убийства, в
этой стране военная игрушка
в руках ребенка с внезапной
силой становится для его ма-
тери символом того, чего она
не хочет и чего она боится в
жизни своего сына. Это мож-
но понять и даже не трудно
понять.

4.

Аверелл Гарриман, один из
тех американцев, которых хо-
рошо знают в нашей стране, —
прежде всего потому, что он в
годы войны был американ-
ским послом у нас в Москве,
— разговаривая со мною,
больше всего вспоминал как
раз об этом периоде истории,
когда мы и американцы вме-
сте сражались против герман-
ского фашизма.

Он говорил об этом времени
с глубоким уважением к тому,
что было совершено общими
усилиями: вспоминал свои
встречи и беседы со Стали-
ным, свои оценки сложивше-
го положения, свои доклады
Рузвельту.

Он мне сказал о том, что
хочет написать мемуары о во-
енных годах, проведенных им
в Москве. Это не показалось
мне удивительным. Наоборот,
показалось естественным. По-
разило меня другое.

«Я надеюсь успеть написать
эти мемуары», — сказал Гар-
риман. Начало фразы каза-
лось естественным для чело-
века, которому семьдесят
во семь лет. Однако окончание
этой же фразы, сказанное со
сдержанной силой и страстью,
поразило меня. «Но я пока
не могу начать их писать.
Очень хочу, но все еще не мо-
гу», — сказал Гарриман. — И
не смогу до тех пор, пока мы не
покончим с этой проклятой
войной во Вьетнаме».

Не могу поручиться за аб-
солютную точность перевода
того эпитета, который употре-
бил Гарриман перед словом
«война», но мне кажется, что
именно так это и было сказа-
но. «Пока эта война продол-
жается», — добавил он, — я не
в силах писать мемуары. Я
вообще не в силах сосредото-

читься ни на чем другом, пока
она продолжается. Потому что
все мои душевные силы сосре-
дочены на проблеме ее пре-
кращения. И ни для чего дру-
гого их не остается».

И то, что было сказано, и то,
как это было сказано Гарри-
маном, произвело на меня
впечатление тем большее, что
у этого прожившего долгую
жизнь американца не было
ровно никаких причин хотеть
произвести на меня впечатле-
ние. Я помнил, конечно, что
говорю с человеком, который
на крутых поворотах истории
по-разному относился и к про-
блемам войны и мира, и к
проблемам американо-совет-
ских отношений, с человеком,
который всегда верно служил
и служит интересам американ-
ской правящей верхушки. Од-
нако, думаю, что в эту мину-
ту он был далек от диплома-
тии, а просто, встретив одного
из людей, которых знал в Мо-
ске в годы войны, и в моем
присутствии откровенно
вспомнил о величии и тяжести
того времени, он на этой вы-
званной воспоминаниями вол-
не откровенности вдруг ска-
зал и о своем нынешнем со-
стоянии духа, о той мере тре-
воги, с которой связано для не-
го продолжение войны во
Вьетнаме.

То, что я услышал от Гар-
римана, совпадало по смыслу
с его решительной речью по
телевидению во время преды-
дущего, октябрьского морато-
рия против продолжения вой-
ны во Вьетнаме. С чисто поэ-
тической точки зрения пози-
ция в этом вопросе, занятая
им в последнее время, не яв-
лялась для меня открытием.
Но, как писатель, я не мог не
отметить для себя всей остро-
ты той человеческой тревоги
за будущее, которую я почув-
ствовал в разговоре с этим
старым и опытным политиче-
ским деятелем Америки.

Может быть, то, что я ска-
жу, покажется наивным, но во
время поездки через всю Аме-
рику у меня все время звене-
ла в ухе эта струна тревоги.
И ответ продавца игрушечного

магазина «мы не держим
оружия», и сосредоточенно
пытающиеся заглянуть в буду-
щее глаза бывшего посла в
Москве Аверелла Гарримана,
при всей далекости одного от
другого, для меня все же
лишь разные болевые точки на
этой болезненно туго натяну-
той через всю Америку тре-
вожной струне.

5.

Во всем мире, в том числе
и у нас, последние годы мно-
го писали о так называемых
«хиппи», о попытке довольно
значительного числа молодых
американцев выразить свой
протест против порядков и
норм буржуазного общества.
Внешне, как будто выделив-
шись из этого общества, «хип-
пи» по сути продолжали су-
ществовать параллельно с ним
и даже за его счет. Свое
анархическое неприятие обще-
ства они подчеркивали набор-
ом бросающихся в глаза
внешних признаков. От бро-
дяжнического образа жизни,
длинных волос и немых
лохмотьев до пропаганды
свободной любви и наркоти-
ков, как якобы антитезы
всем формам принуждения.

Набор внешних эффектов
привлекал к «хиппи» больше
внимания, чем суть их про-
теста. А сутью был, в общем-то,
жгучий стыд за американское
общество, в котором они жили,
за его жестокость внутри и
вовне, за его расизм, за про-
ливаемую им кровь.

То, что среди «хиппи» пре-
обладала молодежь из обеспе-
ченных семей, порой вызывало
чувство иронии, но имело и
свою закономерность. Это от-
нюдь не первый случай в исто-
рии, когда именно отпрыски
обеспеченных классов обще-
ства испытывают соединенный с
комплексом вины и поэтому
особенно жгучий стыд за яв-
ы общества.

Я был в Сан-Франциско, го-
роде, считающемся столицей
«хиппи», и, как мне кажется,
того движения «хиппи», о ко-
тором я читал два-три года
назад, сейчас я прежнем его

виде не существует. Осталась
еще бутафория первоначаль-
ных форм, которую пытаются
законсервировать одни из че-
стного упрямства, а другие из
корысти, связанной с возник-
новением «хиппи-бизнеса»:
дырявые «хиппи-штаны» с
химически закрепленными
разводами грязи стоят много
дороже обыкновенных.

Происходит процесс рас-
щепления: если хиппианская
бутафория все откровенней ис-
пользуется на потребу буржу-
азной моде, то хиппианский
жгучий стыд за общество на-
ходит для себя действенное
направление, его ручейки все
чаще сливаются с широким
потоком общественного него-
дования американской моло-
дежи и против войны во
Вьетнаме, и против расизма в
собственной стране.

Отчетливое ощущение этого
процесса я испытывал, глядя
в Нью-Йорке имеющий шум-
ный успех спектакль со стран-
ным названием «Волосы».

«Волосы» — потому что в
спектакле действуют «хиппи»
с их длинными волосами, но
это скорее реквизит, чем со-
держание, потому что содер-
жание спектакля — не быт
«хиппи», а жизнь и смерть че-
ловека, не желающего ехать
во Вьетнам и убивать там дру-
гих людей.

И какими бы чуждыми ни
казались мне эстетические
нормы спектакля, это не мо-
гло отвлечь меня от сути, от
того страстного призыва к че-
ловечности в такой же страст-
ной ненависти к убийству, о
которых кричали зрителю со-
сены. Кричали, а порой и
вопили так, чтобы эта нена-
висть к войне проникала даже
в зажатые пальцами уши рав-
нодушных.

Американцы любят свою
страну. Многим гордятся в
ней. И против многого него-
дуют. Та сила общественного
негодования перед лицом не-
справедливостей и пороков со-
временной американской
жизни и современной амери-
канской политики, та реши-
мость к критическим выступ-

лениям против всего этого, с
которой я, даже во время та-
кой короткой поездки, как сей-
час, гораздо чаще сталкивал-
ся в Америке, чем в предыду-
щие, гораздо более длитель-
ные поездки, говорила мне о
духовной силе людей, способ-
ных на это, и об их чувстве
ответственности за свою стра-
ну.

Чувство ответственности,
так же как и чувство любви
к родине, всегда вызывает
уважение, и я не раз испыты-
вал уважение ко многим аме-
риканцам, встречаясь и разго-
варивая с ними в дни своей
поездки в их страну.

В сущности чувство любви
к родине и чувство ответст-
венности за все, что она дела-
ет, и за все, что в ней делает-
ся, — это чувства-близнецы,
почти не способные существо-
вать друг без друга. И когда
в Калифорнии, в университет-
ском городке Беркли, где не
так давно разырались крова-
вые события, кончившиеся
стрельбой полиции по студен-
там, я увидел студенческую
выставку фотографий, на ко-
торых было снято все проис-
шедшее, мне особенно врезал-
ась в память одна, заверша-
вшая всю выставку фотогра-
фия: университетская улица,
перегороженная колючей про-
волокой, за проволокой — по-
лицейские в касках и с про-
тивогозами, а вверху надпись:
«И это Америка?»

В этой короткой надписи, в
этом горьком вопросительном
знаке было одновременно все.
И сила ненависти к тому, что
уродует лицо Америки, и сила
любви к своей стране, в ко-
торой не должно, не смеет быть
этого!

О появившихся в американ-
ской печати разоблачениях
убийств, совершенных амери-
канскими военными служащими
во вьетнамской деревне Сонг-
ми, я узнал, уже вернувшись
в Москву.

Через несколько дней после
этого я встретился в Москве
с двумя своими друзьями —
вьетнамскими писателями, то-

варищами То Хоам и Те Ха-
нем.

Разговор о литературе по-
степенно, но неотвратно пе-
решел в разговор о войне, да
иначе, пожалуй, и не могло
быть.

Когда я спросил своих вьет-
намских товарищей по про-
фессии, что они подумали и
почувствовали, когда прочли
первые сообщения об убийст-
вах в Сонгми, они ответили
мне с горьким спокойствием,
что в самих событиях, проис-
шедших в Сонгми, для них нет
ничего нового.

Новое для них во всем этом
только одно — что перед ли-
цом неопровержимых доку-
ментов в Америке люди на-
чинают, кажется, наконец,
осознавать, что такие вещи,
как убийство женщин и детей
в Сонгми, — действительно
происходят.

То, что все больше людей в
Америке начинают осозна-
вать это, — важно.

То, что нашлись люди, про-
явившие решимость разобла-
чить убийства в Сонгми, вы-
зывает уважение к этим лю-
дям. И это тоже важно.

Но очень важно и другое.
Действительным друзьям вьет-
намского народа и в Америке
и во всем мире надо следить
за тем, чтобы шум, поднятый
в печати по поводу этого
убийства «без правил» в Сонг-
ми, не был использован амери-
канским правительством для
отвлечения внимания амери-
канского народа от всей той
цепи непрерывных убийств, с
которыми с начала и до конца
связано все «присутствие»
американских войск во Вьет-
наме, — убийств, якобы совер-
шаемых «по правилам» и уже
стоивших вьетнамцам не сотен
жизней, как в Сонгми, а со-
тен и сотен тысяч жизней.

Вернувшись в Москву, я не
мог не закончить своих аме-
риканских заметок этим горь-
ким послесловием.

Тем более, что я сам разде-
ляю тревогу, прозвучавшую в
словах моих вьетнамских то-
варищей по профессии.

Нью-Йорк — Москва.